

Дмитрий Коржов

г. Мурманск

Далёкая песня

...Той песней далекой, забыто, непрошено,
Кружком из винила кружа,
Поманит с собой краснозвездное прошлое,
Прижмет, и не сможешь сбегать.

От края до края вернется послушно
Бескрайняя наша земля,
Вернется, как в сказке, шестая часть суши,
Вернется и юность моя.

Вернутся запретные книги и речи,
Портвейн «три семерки», «Агдам»,
И девичьи губы, и девичьи плечи,
И радио по проводам.

Вернутся советские милые праздники:
Салат «Оливье», Первомай,
И первая женщина – тварь и проказница,
Без совести и без ума.

А там – девяностые – за поворотом:
Безденежье, смута и смерть,
И много свободы – до колик, до рвоты, –
О лучшем и думать не сметь!

А мне... Мне все хочется в прошлом остаться,
В том мире, теперь уж чужом,
Парадов, побед, громких слов, демонстраций,
С державным дешевым вином.

Где мы – перестройки шальная пехота –
Любились, рожали детей,
И не было смерти – там, за поворотом,
Одна лишь любовь, без смертей.

Какие, по сути, простые слова:
Всё наше останется с нами –
И друга тепло, и снегов синева,
И небо над головами.

Как долго мы шли от беды до беды,
Как долго же мы отступали
Пред натиском новой, заморской Орды,
Пред тьмою из денег и стали.

Не был, а какие-то страшные сны:
Подобно шагреновой коже,
Сужалось пространство родимой страны –
Всё уже. И уже. И уже.

Мы, кажется, стали уже забывать,
Привыкшие к пораженьям,
Великой России державную статью,
Имперской музыки круженье.

Я верю, что Крым – это наш Сталинград.
Тот путь, что был следом, нам ведом:
Окопное мужество русских солдат.
И май. И Берлин. И – победа.

Не взяли чужого – вернули своё –
Утрись, дорогая Европа.
Крым – дома, окончилось забытьё,
Вернулся к себе Севастополь.

Как будто бы мы победили в войну –
Впредь наше у нас не отымут –
И русские флаги в небес ширину,
И русское солнце над Крымом.

Любовь

Любовь – засада, что всегда без правил –
Лишь Купидон, как вечный конвоир...
Ну кто меня любить заставил
Соломенные волосы твои?
Нить тонких губ полоской нервной,
Что дуться на меня не устают,
Которые я долго, вдохновенно
Взахлеб целую, одинок и лют.
Желание казаться недотрогой
И синие, бесстыдные глаза,
И речь, как вздох блондинки длинноногой:
«Свободен, парень! Чемодан – вокзал...»
Сумбур мятежных девичьих метаний,
В которых нет ни смысла, ни аза,
И тот крылатый страж, причастный к тайне,
В цель угодивший, вместе нас связав.
Любовь – азарт полуночной тревоги,
На выбыванье жесткая игра,
Где ночь легко твои разводит ноги,
Как службы ПВО – прожектора.
Любовь – внахлест, в горячке, в столах –
Где мы? Где мир? – не все ль равно? –
Вершит все по своим законам,
Безжалостно сплетая нас в одно.
...Тьму отодвинув, день застанет
Ничтожной горсткой счастья и тепла
На стареньком, продавленном диване
Усталые, довольные тела...

Из цикла «Мурманцы»

Мурманск В 18-м году

...Ничего-то и не было, кроме
Порта, ждущего корабли.
Только ветер да черные комья
Каменистой, холодной земли.

Да и город-то был – на два шага,
На каких-нибудь там полплеча:

От Зеленого мыса к оврагу,
И – до Варничного ручья...

Но уже поезда неуклонно
В паровозном, тягучем дыму,
В бестолковой горячке вагонной,
Потянулись в колючую тьму

Наблюдать в простоте изначальной
Кольский ломаный окоём:
«Чемоданы», бараки, причалы –
То, что Мурманском станет потом.

Адмиралу

Казимиру Кетлинскому

Словно кортик, прямой и острый,
Испытавший и бури, и штиль,
Он попробовал полуостров,
Как корабль, сквозь тьму провести.

Незавидная это работа –
В темноте детишек крестить.
Ни державы, ни веры, ни флота –
Сыплются, как песок из горсти.

Где вы, умницы-кондукторы,
Корабельные профессора,
Как без вас с океанским простором
Сможет справиться адмирал?

Русский флот погребен, под откосом,
Вражьи слуги победу трубят,
Если собственные матросы,
Словно в тире, стреляют в тебя.

Страшно. Бес с краснотелым прищуром
Взялся в салки с Россией играть,
Будет класть на нее с прибором
И гармошку на струны рвать.

«Чудище и стозевно, и обло...»
Суетливы шаги за спиной.
Револьверик недужно и подло
Плюнет в душу свинцовой слюной.

И земля, накренившись устало,
Как корабль, поплывет из-под ног,
И притянет к себе, словно тралом,
На февральское, смертное дно.